

Е.В. Дворниченко

ФРАНЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ШВЕЦИИ 1772 Г.

Переворот 1772 г., произведенный королем Густавом III на французские деньги, покончил с «эрой свобод» и восстановил в Швеции абсолютную монархию. Почему Франция приняла участие в организации переворота и какими методами влияла на события в Швеции? Каково было место Швеции в системе французской внешней политики?

После поражения в Семилетней войне 1756—1763 гг. главной задачей Франции стало сохранение мира для восстановления сил страны; в тех условиях это означало стабильные отношения с Англией и сохранение status quo в Европе при возвращении Франции роли главного хранителя баланса сил. Для этого надо было поддержать распадавшийся «восточный барьер»¹.

К 1763 г. Польша de-facto вышла из-под французского влияния и вошла в зону влияния России. Турция сохранила статус агента французской дипломатии, но слабела, а в 1768—1774 гг. была еще и обескровлена войной с Россией. В Швеции у власти, создавая нестабильную политическую обстановку, сменяли друг друга партии Шляп и Колпаков², а монарх реальной властью не обладал.

История франко-шведских отношений восходит еще к XVI—XVII вв. После 1648 г. Франция и Швеция в ранге великих держав

¹ «Восточный барьер» — доктрина внешней политики Франции XVII—XVIII вв., суть которой состояла в использовании в качестве противовеса империи Габсбургов Швеции, Польши и Османской империи. В XVIII в. «барьер» был переориентирован на борьбу с Россией, закреплявшейся в кругу сильнейших держав Европы (см.: Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. // Уч. зап. Академии общественных наук. Вып. II. Вопросы всеобщей истории. М., 1948. С. 15; История внешней политики России. М., 1998. Т. 2. С. 174; Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 66—67; Hardman J., Price M. Introduction to: Louis XVI and the comte Vergennes: correspondence 1774—1787. Oxford, 1998. P. 120).

² После смерти Карла XII в Швеции было ограничено «самовластие» монарха. В 1720 г. была выработана и позднее одобрена риксдагом Конституция, согласно которой власть в королевстве принадлежала четырем сословиям, представленным в риксдаге, а королевские полномочия урезались до минимума. Постепенно в риксдаге оформились две политические партии — Шляп и Колпаков, боровшиеся между собой за влияние. Шляпы ориентировались на Францию, Колпаки — на Россию и Англию. Пруссия, заинтересованная в сохранении режима партий, часто действовала совместно с Россией.

выступили гарантами выполнения положений Вестфальского мира 1648 г.³ В XVIII в. страны находились в союзных отношениях, но чаще французские дипломаты использовали Швецию, чтобы осложнить ситуацию на севере Европы и отвлечь внимание России, наращивавшей свое влияние в других странах «барьера» — Польше и Турции⁴. Иностранные державы активно вмешивались во внутреннюю политику Швеции и влияли на формирование ее политического курса путем подкупа партий Шляп или Колпаков.

«Дипломатическая революция»⁵ середины XVIII в. вынудила Швецию вслед за Францией оформить союзные отношения с Австрией и Россией. Швеции пришлось воевать с Пруссией, что шведы восприняли негативно, ведь Фридриха II считали защитником протестантской веры в Европе. Армия не была подготовлена к ведению долгосрочной кампании, а Россия не спешила оказать Швеции военную помощь. Несмотря на субсидии Франции с целью побудить шведскую армию действовать «энергично»⁶, успехов шведы не добились. Не удалось и нанести удар по Англии, высадив франко-шведский десант в Шотландии. Шведский риксдаг не пошел на открытый конфликт с главным импортером шведской и финской продукции. Россия тоже не поддержала французскую борьбу против Англии. В Шотландию доставили лишь груз из 250 артиллерийских орудий, перехваченный англичанами⁷.

Министр Шуазель⁸ пытался вовлечь в активные военные действия Швецию и Данию, объединив их против Англии, чье преобладание на море и в торговле нарушало баланс сил в Европе. В ответ Дания и Швеция в марте 1760 г. объединились в Лигу

³ В результате Вестфальского мира 1648 г., положившего конец периоду религиозных войн, сложилась Вестфальская система международных отношений, юридически закрепившая политическую раздробленность Германии.

⁴ Франция стремилась поддерживать союзы с небольшими европейскими государствами для того, чтобы они взамен сдерживали врагов Франции не только в XVII, но и в XVIII и даже в XIX и XX вв. (см.: *Киссинджер Г. Дипломатия*. М., 1997. С. 47—58).

⁵ «Дипломатическая революция» 1756—1757 гг. — крушение традиционных союзов между Австрией и Англией, с одной стороны, и Францией и Пруссией — с другой, на которых было основано равновесие сил в Европе и последующее заключение новых союзов между государствами, веками враждовавшими друг с другом, Францией и Австрией.

⁶ *Nordmann C. Grandeur et liberté de la Suède (1660—1792)*. P., 1971. P. 264.

⁷ *Corbett J.S. England in the Seven Years' War*. L., 1907. Т. II. P. 18, 23.

⁸ Шуазель, Этьен-Франсуа де Стэнвиль (1719—1785). Дипломат. В течение 12 лет находился на посту министра и обладал обширными полномочиями. С декабря 1758 г. — государственный секретарь (министр) иностранных дел, с января 1761 г. — военный министр. В 1761—1766 гг. внешней политикой занимался его кузен Шуазель-Прален. С апреля 1766 г. Шуазель-Стэнвиль вновь вернулся к руководству иностранными делами. 24 декабря 1770 г. был отправлен в отставку.

нейтральных государств (прообраз Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г.), и, хотя Лига вскоре распалась, стало ясно, что режим «свобод» в Швеции «непригоден»⁹ для решения французских внешнеполитических задач. Участие в войне обошлось Швеции в 40 тыс. жизней; в условиях финансового кризиса казна истратила 60 млн риксталеров. Международный авторитет Швеции был низок, как никогда. Это не принесло выгод и Франции¹⁰.

После 1763 г. Швеция сделалась главным звеном в создании Францией и Россией оборонительных систем: Франция спасала «восточный барьер», Россия намеревалась создать знаменитую Северную систему, которая служила бы противовесом «южной системе» католических государств, находившихся под властью Бурбонов и Габсбургов¹¹. Россия старалась удержать status quo на Балтике, обеспечить безопасность северных границ и стабильное развитие связей с Англией, которая сама тогда была заинтересована в улучшении торговых отношений с Россией¹². Целью Франции было остановить российскую экспансию¹³, приводившую к сокращению сфер влияния Франции в Европе. Союзные Франции Испания¹⁴ и Австрия интересов в Северной Европе не имели. Дания и Пруссия находились в русле северной политики России. Для них было выгоднее сохранять в Швеции режим, при котором полномочия короля были невелики. Поддержку членов парламента «купить» было легче, а сильный монарх мог проявить независимость.

Швеция осталась важным звеном «барьера», но на французской политике по отношению к ней отразилась двойственность

⁹ *Mémoire de Choiseul à Louis XV, remis en 1765, cité par: Nordmann C. Op. cit.* P. 265.

¹⁰ *Nordmann C. Op. cit.* P. 265.

¹¹ Ядром Северной системы Н.И. Панина должен был стать русско-пруссский договор, вокруг которого сформировались бы союзы активные — с Данией, Британией, и пассивные — со Швецией, Польшей и Саксонией. Северная система позволила бы России доминировать на Балтике. Ядро так называемой «южной системы» составляли Франция, Испания, Австрия.

¹² Срок последнего торгового договора истекал, надо было заключать новый, поэтому нейтральное отношение к действиям России на Балтике, где Англия, имея торговые интересы, не обладала сильным влиянием, сближало ее с Россией (*Considérations politiques et philosophiques sur les affaires présentes du Nord*. Londres, 1774. P. 57).

¹³ Применительно к международным отношениям XVIII в. слово «экспансия» означало «расширение». Протяженность европейских владений оставалась главным критерием могущества державы, и любое государство желало расширить свои территории. Отчасти поэтому Франция не так яростно боролась за заморские земли, претендуя на увеличение владений в Европе, а также на роль хранителя баланса сил.

¹⁴ Франция и Испания были связаны Фамильным пактом 1761 г.

дипломатии Людовика XV¹⁵. До 1760-х гг. и официальная, и тайная дипломатия в Швеции делали ставку на подкуп нужных политических деятелей¹⁶, но после 1763 г. это перестало приносить дивиденды. Швеция, находясь под влиянием Шляп или Колпаков, сделалась ненадежным союзником, не придерживалась последовательно прежних договоренностей, на нее нельзя было положиться.

До 1764 г. большой вес в политической жизни Швеции имела партия Шляп. Версаль готов был выплачивать ей ежегодно по 1,5 млн ливров вплоть до 1768 г. в обмен на следование в фарватере французской внешней политики. Но в 1765 г. Шляпы были оттеснены от власти Колпаками, щедро поддерживаемыми Россией, Англией и Пруссией. Дипломаты этих стран, а также Дании руководствовались словами Екатерины II: «Ограничивая форму правления, подкрепляйте партию, противную господствующей»¹⁷.

Колпаки способствовали либерализации политической жизни, введя свободу печати, отменив предварительную цензуру для светской литературы, взяв курс на уравнивание лиц недворянского происхождения с дворянами в продвижении по службе, но они же провели положение о том, что любая поправка к Конституции должна быть одобрена всеми четырьмя сословиями на двух заседаниях риксдага подряд. Это должно было обезопасить страну от возрождения абсолютной монархии. Статья была проведена благодаря русским субсидиям (в июне 1765 г. датский посол в России писал: «Господин Панин полагает, что смог навсегда лишить шведских королей средства изменить конституцию»¹⁸).

Казалось, Версаль должен был смириться с выходом Швеции из орбиты французского влияния, но надежды на улучшение ситуации он не оставил, к тому же сам Людовик XV решил помочь восстановлению величия монаршей власти в Стокгольме¹⁹. Фран-

¹⁵ При Людовике XV сосуществовали две дипломатические службы: официальная, подчиненная государственному секретарю иностранных дел, и тайная (Секрет короля), сначала во главе с принцем де Конти, затем — графом де Брولي. Агенты Секрета в разных странах выполняли личные поручения короля. Действия обеих служб нередко входили в противоречие друг с другом.

¹⁶ *Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et Louis XVI*. P., 1802. Т. 1. P. 255—260 (записка о положении дел в Швеции). Подкуп был обычной практикой в государствах со слабой королевской властью, так же поступали представители иностранных держав в Польше (*Mc Kay D., Scott H.M. The Rise of Great Powers. 1648—1815*. L.; N.Y., 1983. P. 208).

¹⁷ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1885. Т. 48. С. 9 (письмо Екатерины II поверенному в Стокгольме, июль 1762 г.).

¹⁸ Цит. по: *Geoffroy A. Gustave III et la cour de France*. P., 1867. Т. 1. P. 36.

¹⁹ *Boutaric M.E. Étude sur le caractère et la politique personnelle de Louis XV. In Correspondence secrète inédite de Louis XV avec ses agents diplomatiques*. P., 1866. Т. 1. P. 163.

ция нуждалась в «барьере» для сохранения status quo в Европе, чему угрожала политика России: европейское равновесие могло быть разрушено. Характерно, что отголоски идеи сохранения «барьера» дают о себе знать и двадцать лет спустя: в памфлете, написанном после заключения русско-французского договора 1785 г., когда внешняя политика Франции стала адаптироваться к новым международным условиям, говорится об агрессивных намерениях России по отношению к естественным союзникам Франции — странам «барьера», которым нужно было помогать, чтобы противостоять России²⁰. Возврат к старой традиции происходил легко, хотя ситуация в мире изменилась.

Ввязываясь в борьбу между Шляпами и Колпаками, Франция поступала так же, как Россия и Англия, имевшие финансовое преимущество, и ее шансы на успех становились призрачны: у Версаля не было средств для ведения борьбы на всех фронтах. К тому же обе партии были категорически против возрождения абсолютной монархии. В апреле 1766 г. Шуазель признал, что поддерживать одну из партий — ошибочно, ведь предлагаемую Шляпами систему правления можно учредить лишь при условии, что шведы станут «такими же мудрыми и нравственными, каким, должно быть, был Платон»²¹. Тогда же было решено создать вокруг короля и его семьи придворную партию, ориентированную на Францию²². Французский посол должен был добиться в обществе благосклонного взгляда на идею укрепления власти короля.

Летом 1767 г. послом в Стокгольм был назначен граф де Моден, не обладавший, по мнению главы Секрета, какими-то особыми качествами²³. Инструкции Модену содержали указание «содействовать восстановлению монаршей власти»²⁴, но не объясняли как²⁵. По мысли Шуазеля, Швеция с сильным монархом во главе могла обеспечить противовес России на севере, а рычаги власти должны были находиться в руках профранцузской партии.

²⁰ *Митрофанов А.А. Образ России во французском памфлете 1789 г. «Об угрозе политическому балансу Европы» // Россия и Франция XVIII—XX века*. М., 2006. Вып. 7. С. 70, 75.

²¹ Цит. по: *Geoffroy A. Op. cit.* P. 51 (письмо Шуазеля послу в Стокгольме, барону де Бретейлю).

²² *Murphy O.T. Charles Gravier, comte de Vergennes. French Diplomacy in the Age of Revolution, 1719—1787*. N.Y., 1982. P. 181.

²³ *Broglie Ch.-F. Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1715—1774)*. P., 1956. Т. 2. P. 99.

²⁴ *Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française (далее — Recueil)*. P., 1890. Т. 2. P. 416, 429.

²⁵ *Broglie Ch.-F. Op. cit.* P. 45.

В России считали, что Швеция уже вошла в сферу влияния России. Летом 1768 г., когда русские дипломаты зондировали почву на предмет заключения союзного договора с Англией в рамках Северной системы Н.И. Панина, положение в Швеции оценивалось так: «С шведским государством продолжается вечный Абовской мир, а сверх того с оным заключен еще в 1758 г. особый союзный оборонительный трактат, который по ныне действие свое имеет», несмотря на противодействие Шляп, «однако на последнем сейме оная партия приведена в совершенное ослабление, и теперь господствующая партия состоит из преданных нам персон, кои целый шведский сенат составляют, почему теперь и инфлюенция наша в Швеции несравненно сделалась больше»²⁶.

Тем временем «дюк Шоазель с графом Моденом умели присоединить своих Франциею дышащих креатур, обольстя их надеждою овладеть по-прежнему всем государственным правлением»²⁷. В перевороте должны были участвовать королева (сестра прусского короля) и ее окружение, возглавил бы его король Адольф-Фредрик, но все сведения о контактах семьи короля с французскими дипломатами тотчас передавались Пруссии и России²⁸, желавшим сохранения Конституции 1720 г., а усилия Модена по организации при дворе оппозиции Колпакам не оправдали себя.

Борьба за влияние на членов шведского сената и сейма не прекращалась, но с началом Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. положение в стране изменилось: «Швеция не приведена еще ни в какое систематическое положение с союзниками ея... она, потеряв французские субсидии, не имеет за оные по сю пору никакой другой замены»²⁹. Это было выгодно России.

В том же 1768 г. Адольф-Фредрик, угрожая отречением³⁰, потребовал созвать риксдаг с целью пересмотра Конституции 1720 г. Так как Сенат созывать риксдаг отказался, начался политический кризис — «бескорольевье», — длившийся в течение года. Монарх даже запретил упоминать свое имя в официальных документах и переписке, а также ссылаться на него. Но Канцелярия (своеобразное временное правительство во время перерывов работы парламента) не передала власть наследнику. Чтобы обеспечить

²⁶ Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 114 (рескрипт посланнику в Лондоне И.Г. Чернышеву).

²⁷ Там же. С. 358 (письмо Н.И. Панина послу в Стокгольме И.А. Остерману, 22 марта 1769).

²⁸ *Jacobsohn L.* Russland und Frankreich in den ersten Regierungsjahren des Kaiserin Katharina II, 1762—1766. Berlin; Koenigsberg, 1929. S. 24—36.

²⁹ Сб. РИО. Т. 87. С. 194 (письмо Н.И. Панина И.А. Остерману, 8 ноября 1768 г.).

³⁰ Факт отречения являлся основанием для внеочередного созыва риксдага.

пересмотр Конституции в монархическом духе, Моден вручил 3 480 тыс. ливров своим сторонникам в разных органах власти³¹. Против перемены Конституции активно выступал русский поверенный в Стокгольме И.А. Остерман, успешно распределявший взятки среди Колпаков и угрожавший вводом русских войск в Швецию в случае переворота³². Остерман даже настаивал на созыве риксдага в Норкепинге, где легко мог бы высадиться десант с английских, русских, датских и прусских кораблей. Однако после начала русско-турецкой войны Остерман уже не получал подробных указаний, так как Н.И. Панин, руководивший шведским направлением политики России, переключился в основном на решение польского вопроса³³. Панин понимал, что главное — не то, какая форма правления будет в Швеции, а чья система внешнеполитических взглядов победит: «Вся противу нас столь важная великая версальским двором или, лучше сказать, запальчивостью одного Шоазеля заведенная игра состоит в том одном, чтобы повсюдным замешательством дел потрясти твердость ее императорского величества, уничтожить Россию в ее новой и никогда в северной части Европы не бывалой политической системе соединения взаимной пользы и интересов всех между собою соседственных держав в независимости от посторонних им дел и интересов и обратить ее в прежнее собою неопределенное политическое положение, быть по временам наравне с другими второго класса европейскими державами (нужную) или противную тому или другому интересу, разделяющему Европу между тремя главными державами: Францией, Англией и Австрийским домом»³⁴. Версаль еще воспринимал Россию как чуждый элемент в раскладе сил в Европе. Переход Швеции в сферу влияния России мог сблизить Россию и Англию и вывести Францию за рамки круга великих держав.

Моден предложил сторонникам усиления королевской власти заручиться поддержкой шведского флота, предоставить ссуду туркам, чтобы помочь им в течение нескольких месяцев победить Россию: победа Турции привела бы Россию к поражению и в Стокгольме. Панин даже предупредил шведов, что они окажутся в опасности, вмешавшись в войну на стороне Турции³⁵. Русский поверенный в делах во Франции Н.К. Хотинский сообщил, что

³¹ *Aime D.* La Révolution suédoise de 1772. P., 1937. P. 144—154.

³² Сб. РИО. Т. 87. С. 251—252, 430; *Соловьев С.М.* История государства Российского. М., 1965. Кн. 14. Т. 28. С. 350 и далее.

³³ *Мадариага И де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 346—347.

³⁴ Сб. РИО. Т. 87. С. 358—59.

³⁵ Там же. Т. 48. С. 260—261.

в ответ «Франция, желающая, чтобы Швецию оставили в покое, пойдет на разрыв с датским двором»³⁶.

Кризис разрешился весной 1769 г. на сессии риксдага в Норкепинге победой Шляп, которые, получив главные государственные должности, не изменили Конституцию. Французские дипломаты проиграли. Н.И. Панин был доволен действиями русского посла, расстроившего «коварство Шоазеля»³⁷, а так как Франции мир был «не менее дорог, чем Англии», она не вступила бы в войну «ради почти бесплодной дружбы шведов»³⁸.

В Версале понимали, что партия Шляп расколота: Россия, Англия, Дания имели большую возможность влиять на депутатов. К тому же Дания, дружественно настроенная по отношению к России, могла выступить против Швеции³⁹. В сентябре 1769 г. Шуазель признал: «Момент для совершения переворота упущен. Франция не намеревается погибнуть ради друзей, которые не хотят спастись»⁴⁰.

Но в Швеции зрело недовольство «эрой свобод». Разночинцев не устраивала монополизация высших государственных должностей дворянами. Дворяне опасались, что разночинцы, заседавшие в риксдаге, лишат их традиционных привилегий. Представители всех сословий возмущались тем, что многие чиновники и депутаты действуют по указке иностранных держав. При этом экономическое положение Швеции резко ухудшилось, угроза голода была постоянной⁴¹, и жители обвиняли в этом партию.

В июне 1771 г., полгода спустя после отставки Шуазеля, министром был назначен герцог д'Эгийон, получивший в наследство комплекс внешнеполитических проблем, в том числе и связанных с «барьером». Ситуацию в Польше изменить было уже нельзя, очевидно было и падение французского влияния в Константинополе. Что же касается Швеции, то там положение еще могло быть исправлено. Россия и Пруссия тогда решали польский вопрос, Россия к тому же воевала на юге, а Англия не была склонна предпринимать активные действия в Европе.

Шуазель искренне считал «барьер» препятствием для российской экспансии в Европу (во Франции разрабатывался тезис

³⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 249. Л. 16 об.

³⁷ Сб. РИО. Т. 87. С. 544.

³⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 249. Л. 32 об.

³⁹ Датский министр иностранных дел Бернсторф мечтал о семейном пакте с Россией. Панин, желавший обезопасить Россию на случай шведско-русской войны, тоже хотел этого (см.: *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 347).

⁴⁰ *Geoffroy A.* Op. cit. P. 136.

⁴¹ См.: *Андерссон И.* История Швеции. М., 1951. С. 280; История Швеции. М., 1974. С. 308.

об агрессивной политике России, воплощавшей образ врага⁴²). Французские дипломаты спровоцировали Турцию на войну с Россией и помогали конфедератам, боровшимся за власть в Польше. Но в 1770 г. эта помощь была уже бесполезна, а Турция с трудом противостояла русской армии и флоту. Англия своей нейтральной позицией помогала России. Тогда вновь распространились слухи о возможном заключении англо-русского союза⁴³. Российские дипломаты в Лондоне в самом деле искали возможность заключить союз с Англией даже ценой отказа от военного соглашения (речь шла лишь о субсидиях на борьбу против французского влияния в Швеции). Но английский парламент не выделил средств на внешнеполитические операции в мирное время⁴⁴. К тому же усиление России было невыгодно и Англии: это уничтожило бы status quo не только в центре и на востоке, но и во всей Европе. Австрию больше интересовало ослабление Османской империи, продвижение России на юг и участие в разделе Польши. Франция сама решала все вопросы, связанные со Швецией.

Перемены произошли и в Швеции. В феврале 1771 г. умер король, ему наследовал двадцатипятилетний Густав III, находившийся инкогнито в Париже вместе с братом Карлом по личному приглашению французского министра иностранных дел⁴⁵.

Надежды на успех связывались с именем кронпринца Густава. Густав был истинным франкофилом, воспитанным на французской литературе и философии, обожавшим французский театр. Он переписывался с Вольтером, декларировал приверженность просветительским идеалам и обещал проводить их в жизнь, придя к власти. Густав и Людовик XV симпатизировали друг другу, и Густав писал брату: «Я знаю, какие чувства испытывает король Франции к нам и как предан нашей родине и нашему королевскому дому его министр, господин де Шуазель. Если бы все шведы думали так же, как они...»⁴⁶. Кроме того, кронпринц не раз говорил, что Швецию ждет судьба Польши, павшей «жертвой умеренных appetitов» российской императрицы. Не без пафоса

⁴² См.: *Строев А.Ф.* Война перьев: французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. 2000. № 3. С. 19.

⁴³ В 1766 г. британский представитель Маккартни вел в Санкт-Петербурге переговоры по вопросам англо-русского сближения.

⁴⁴ См.: *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 349—350.

⁴⁵ *Geoffroy A.* Op. cit. P. 107—109. Польский историк Конопчинский считает, что наследник долго добивался этого приглашения; этому предшествовала серьезная подготовительная работа со стороны Модена в Стокгольме. Визит был задуман Шуазелем (*Konopczyński W.* Polska a Szwecja. Od pokoju Oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660—1795. Warszawa, 1924. P. 195).

⁴⁶ Письмо Густава от 17 июня 1770 г. // *Gustave III par ses lettres.* Stockholm; Paris, 1986. P. 81.

Густав обвинял польского короля в том, что достаточно одного слова российской императрицы, чтобы заставить того «упасть в обморок»⁴⁷; Станислав не исполнил долга короля: монарх должен умереть во имя «независимости родины», но не подчиняться «недостойному ярму в тщетной надежде сохранить тень былого могущества». Густав сокрушался, что в Швеции «уже началась анархия», оплакивал «исчезновение законов, нравственности и даже чести», добавляя, однако, что «все добрые граждане, что еще остались, должны были бы объединиться ради сопротивления грозе»⁴⁸. Об этих настроениях наследника было известно в Версале.

Франции была нужна опора для реализации ее политики в Швеции, новая политическая фигура, каковой мог стать Густав, который в свою очередь хотел выяснить, поможет ли Франция спасти Швецию «от иностранного господства»⁴⁹. Период «бескоролевья» заставил короля разочароваться в лидере Шляп графе Ферсене и задуматься о том, кто же его истинные сторонники. Густав надеялся убедить французского короля, что субсидии лучше платить ему и будущей придворной партии. Он хотел также, чтобы в Стокгольме назначили нового посла вместо Модена⁵⁰.

Людовик XV и д'Эгийон⁵¹ не один раз встречались с наследником, произведшим очень благоприятное впечатление на французский двор⁵². Густав жаждал привлечь на свою сторону Людовика и его министра, вызвать симпатии философов Руссо, Гельвеция, Мореяле и Гримма, с которыми встречался. В письмах из Парижа появились намеки на тайные переговоры с французами. 4 января 1771 г. он писал матери: «Надежда еще не потеряна; осмеливаюсь даже сказать, что все может пойти хорошо. Дно лужи не так черно, и оно заимствует немного красок у страны, где все окрашено в розовый цвет»⁵³. Густав ценил теплое отношение Людовика к нему и к его желанию вернуть шведской монархии прежний статус.

То, что Густав уехал из Франции лишь через месяц после получения известия о смерти отца, породило слухи о тайном договоре

⁴⁷ Цит. по: *Geoffroy A.* Op. cit. P. 154.

⁴⁸ Цит. по: *Konopczyński W.* Op. cit. P. 363.

⁴⁹ Письмо Густава своему бывшему воспитателю К.Ф. Шеферу, 5 мая 1770 г. (цит. по: *Roberts M.* *British Diplomacy and Swedish Politics, 1758—1773.* Minneapolis, 1980. P. 335).

⁵⁰ *Roberts M.* Op. cit. P. 365—366.

⁵¹ После отставки Шуазеля новым министром в июне 1771 г. стал герцог д'Эгийон, однако он занимался вопросами внешней политики и до утверждения в должности.

⁵² Принц крови был любезен даже с фавориткой Людовика мадам Дюбарри, женщиной низкого происхождения, что с его стороны было большой уступкой.

⁵³ Цит. по: *Ленинград Э.* Великая роль: король Густав III, играющий самого себя. СПб., 1999. С. 54.

между Францией и Швецией. «В Англии все уверены в том, что между Его Величеством и королем Швеции существует договор и что король Швеции покинет Францию сразу же после того, как получит 12 миллионов ливров, обещанных ему»⁵⁴, — писал русский поверенный в делах в Лондоне. Это было близко к истине, Густав в самом деле обсуждал вопрос получения субсидий, как тех, «кои Франция должна Швеции», так и тех, которые «пойдут на созыв сейма (коронационного. — *Е.Д.*)»⁵⁵.

Шведская политика Франции начала меняться. Она строилась на основе «Записки» бывшего посла в Стокгольме и агента Секрета барона де Бретейля. В марте 1771 г. Бретейль писал о необходимости «революции» в Швеции, для чего надо было, избегая открытых конфликтов, вербовать сторонников в обеих партиях, примиряя шведских политиков и общество с идеей об усилении власти короля⁵⁶.

Д'Эгийон направил в Стокгольм нового посла, опытного дипломата графа де Верженна⁵⁷, выбранного за способность «лояльно и преданно» претворять в жизнь интересы монарха и за немало-важные успехи на дипломатической службе в Константинополе⁵⁸. На кандидатуре Верженна настоял Секрет короля, агентом которого много лет был граф. Его проинформировали о коррумпированности шведских чиновников⁵⁹ и дали понять, что он должен опираться на Густава, хорошо понимающего, что творится в его стране. В личном общении с королем Верженн должен был постоянно уверять его в поддержке Версаля, но предостерегать от демаршей и от советов матери, которая с ее вспыльчивостью и импульсивностью может испортить все дело: «Пылкость его (Густава. — *Е.Д.*) возраста и, кроме того, горячность ума заставляют держать рядом с ним человека, способного его отговорить» от поспешных действий⁶⁰.

По прибытии Верженн увидел Швецию такой: «Низшие сословия проявляют крайнюю независимость, что заставляет предполагать наличие взглядов противоположных и даже враждебных взглядам дворянства. В своих публичных и частных высказываниях

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 249. Л. 32 об. (март 1771 г.).

⁵⁵ Там же. Л. 73 об., 70 об.

⁵⁶ *Stiegung H.* *Ludvig XV: s hemliga diplomati och sverige 1752—1774.* Stockholm, 1975. P. 341—342.

⁵⁷ *Bonneville de Marsungy.* *Le comte de Vergennes, son ambassade en Suède (1771—1774).* P., 1898. P. 43—44.

⁵⁸ *Recueil.* T. 2. P. 391 (инструкция Верженну, вступающему на свой пост); *Boutaric M.E.* Op. cit. T. 1. P. 419 (письмо Людовика XV графу де Брولى).

⁵⁹ *Recueil.* T. 2. P. 391.

⁶⁰ *Brogie Ch.-F.* Op. cit. T. 2. P. 260.

эти люди вдохновляются тем, что демократия и разумное управление, которое они же и осуществляют, составляют дух шведского правительства. Привилегии, о которых говорят буржуа, требующие тех же преимуществ для крестьян как для сословия, производящего блага, — равенство в правах с дворянством и как следствие подчинение и уничтожение самого дворянства»⁶¹. Единственный выход — восстановить режим абсолютной монархии. При этом дипломаты Франции и России, боровшихся за преобладающее влияние в Швеции, делали все, чтобы не допустить перевеса одной из партий. Н.И. Панин еще в 1768 г. отмечал, что Версаль хочет возродить абсолютную власть в Швеции, и это чревато диверсией на северных границах⁶².

Хотя Верженн долго работал в Секрете короля, он не был в курсе договоренностей, достигнутых в личных беседах Густава и Людовика в марте 1771 г. в Версале⁶³, о чем свидетельствовали его действия. Он выполнял инструкции, привлекая Шляп на сторону Густава, медленно готовя почву для избавления «от вселенского зла», дабы Швеция не превратилась «в бесполезную соседку»⁶⁴, но ему не хватало денег, и вряд ли он мог переиграть русских дипломатов. По приезду он должен был получить 1,5 млн ливров, а в 1772 г. запросил еще 2 млн. С помощью этих денег Густав вербовал сторонников среди придворных, дворян и некоторых Шляп. Деньги вскоре закончились, а привезенное из Парижа золото Густав вложил в казну на нужды обороны, поэтому шведский король много раз просил Верженна ходатайствовать перед Людовиком о новых субсидиях. В январе 1772 г. шведский посол в Париже тоже поднимал тему получения субсидий⁶⁵, но Версаль уже действовал иначе. В письмах Густава к Людовику и к д'Эгийону появляется все больше намеков на будущие события. В октябре 1771 г. Густав выразил признательность Людовику XV за поддержку и добавил: «Если я преуспею, это будет большим преимуществом»⁶⁶. Не вдаваясь в детали, д'Эгийон тоже говорил о скорых переменах в Швеции. В декабре 1771 г., восхищаясь «терпением и мягкостью» Густава III, он призвал его заняться вопросами безопасности и повысить престиж королевской власти во избежание построения «анархического режима под покровительством России»⁶⁷. Министр побуждал монарха к действию: «Настало время

показать ей (Екатерине II. — Е.Д.), что пусть у Вас и нет намерения отвоевать отторгнутые от Швеции провинции, но Вы можете подавить неповиновение Ваших подданных, которых она обольстила или подкупила, Вы можете разрушить ее губительные планы, Вы защитите свой народ и свою власть»⁶⁸.

Итак, между королями Швеции и Франции была договоренность об изменении Конституции 1720 г. 12 января 1772 г. д'Эгийон открыто написал Густаву о необходимости переворота: «Чем более я размышляю о критическом положении, в котором находится Ваше Величество, тем более убеждаюсь в том, что достойно выйти из него с пользой для народа можно лишь тем решительным и жестким способом, о котором я уже говорил вам. ...Коррупция зашла слишком далеко, чтобы можно было мягкостью и силой убеждения вернуть тех, кто уже удален от исполнения своих обязанностей и кто ожесточился в своем изгнании... я продолжаю настаивать на разрыве вашего величества с риксдагом, для которого фанатизм, самые низкие личные счеты и партийные интриги значат больше, чем мудрое и ради пользы дела обсуждение вопросов. Король все более утверждает в этом мнении. Он уполномочил меня просить Ваше Величество об этом и уверить Вас в том, что Вы всегда найдете в нем самого преданного и постоянного союзника»⁶⁹. Верженна известили об изменении тактики только 23 февраля⁷⁰, т.е. подготовка переворота была личной волей Людовика XV, исполненной д'Эгийоном. Верженн сообщал в Версаль, что не знает, как ему поступать в ситуации, когда Густаву не доверяет, а взгляды монарха расходятся со сделанными им риксдаге заявлениями об уважении к Конституции. По мнению посла, Густав имел «вкус к романтике»⁷¹, т.е. был склонен к авантюрам. Получив новые указания, Верженн настаивал: никто не должен знать о его участии в этом деле (впрочем, без упоминания в каком именно), или он отказывается от любых активных действий. Переиграла ли официальная дипломатия Людовика XV Секрет короля⁷²? Можно сказать, что да. Агент Секрета Верженн был введен в курс дела гораздо позднее, потому что новая политика была разработана министром д'Эгийоном в обход Секрета, это позволило ликвидировать двойственность французской дипломатии. Цель — освободить Швецию от русского или прусского влияния, укрепив тем самым «барьер», — была единой для обеих служб.

⁶¹ Цит. по: *Bonneville de Marsangy*. Op. cit. P. 140.

⁶² Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 160, 203; Т. 87. С. 431.

⁶³ *Laugier L.* Un ministère réformateur sous Louis XV (1770—1774). P., 1975. P. 392.

⁶⁴ *Recueil*. T. 2. P. 430.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 267. Л. 3 об.

⁶⁶ Цит. по: *Geoffroy A.* Op. cit. P. 146.

⁶⁷ Цит. по: *Murphy O.T.* Op. cit. P. 190.

⁶⁸ *Ibidem*.

⁶⁹ Цит. по: *Laugier L.* Op. cit. P. 419.

⁷⁰ *Ibid.* P. 420.

⁷¹ *Murphy O.T.* Op. cit. P. 191.

⁷² *Ibid.* P. 418.

Шведский вопрос был связан с проблемами других стран «барьера». Густав боялся, что, победив Турцию, Россия введет войска в Швецию, а затем поделит ее с Пруссией. Зато любой успех Густава пойдет «во благо туркам, поможет им восстановить былое могущество»⁷³.

Густав лично сообщил Верженну о своем «дерзком плане»⁷⁴, причем, по словам посла, просил хранить план в секрете и прежде всего от д'Эгийона. Очевидно, Верженн полагал, что министр мог и не знать о перевороте. Подробный план переворота создали полковник барон Спренгпортен и управляющий лесами и королевской охотой Толь после коронации Густава 29 мая 1772 г. Начать восстание должны были гарнизоны Скании и Финляндии. Из Свеборга, где было много иностранных офицеров, чьи позиции пошатнулись бы в результате реформ, задуманных шведским сеймом, повстанцы, захватив корабли, могли быстро добраться до столицы. Густав лично отправился бы на подавление мятежа и присоединился к бунтовщикам. Для выполнения плана он нуждался в 30 тыс. шведских экю и 5 тыс. ливров⁷⁵. Верженн, узнав о плане, долго колебался, одобрить ли его⁷⁶. На случай провала этого плана у Густава был другой: начать восстание в Кристианштадте (в Скании), где к бунтовщикам примкнул бы принц Карл⁷⁷, что в итоге и обеспечило успех переворота.

В начале лета Верженн понял, что Густав настроен очень решительно и не откажется от своих тщательно скрываемых намерений. Дипломат восхищался талантом Густава играть роль пассивного, беспомощного правителя. По свидетельству современников, никто не подозревал короля в желании предпринять малейшее наступление на сейм⁷⁸. Июньскую депешу Густава в Версаль перехватили и расшифровали агенты английского посольства в Париже, информация о перевороте была передана в риксдаг и секретный комитет, тем не менее она дошла и до Версаля. В августе Верженн написал д'Эгийону, что не может более общаться с Густавом: за королем следят⁷⁹.

Для защиты «свобод» депутаты сейма вызвали в Стокгольм Упландский полк, и Густаву пришлось действовать быстро, он

⁷³ Цит. по: *Laugier L.* Op. cit. P. 420 (письмо д'Эгийона послу в Турции, весна 1772 г.).

⁷⁴ *Geoffroy A.* Op. cit. P. 156 (донесение Верженна от 21 мая 1772 г.).

⁷⁵ *Bonneville de Marsangy.* Op. cit. P. 217—219; *Murphy O.T.* Op. cit. P. 192—193.

⁷⁶ *Nordmann C.* Op. cit. P. 332.

⁷⁷ *Ibid.* P. 285.

⁷⁸ *Shéridan Ch.-F.* Histoire de la dernière révolution de Suède. Londres, 1783. P. 284—285.

⁷⁹ *Murphy O.T.* Op. cit. P. 191, 197.

убедил иностранных друзей в том, что только он, монарх, спасет Швецию. 14 июля Густав писал: «Семимильными шагами мы приближаемся к анархии. Есть люди, которые хотели бы заставить меня поверить в то, что так даже лучше, но, привыкнув рассматривать себя как Государство, как добрый гражданин, я ужасаюсь судьбе народа, который заслуживает счастья, который хотел бы быть счастливым и на который несколько фанатичных и тщеславных демагогов обрушили несчастья, так как искажены были все истинные и спасительные принципы (правления. — *Е.Д.*)»⁸⁰ Он распалял себя мыслями о судьбе Польши: «Одно то зрелище, кое представляет собою Польша, должно было бы открыть глаза на то, что эта честолюбивая государыня способна предпринять. <...> С содроганием ожидаю той минуты, когда соседние державы воспользуются нашими смутами, чтобы нас поработить. Отныне я полагаю, что все позволено ради спасения моей родины от ярма, которое хотят на нее надеть... я не чувствую в себе флегмы польского короля, который спокойно, даже не делая вида, что сопротивляется, взирает на то, как его провинции делят между собой другие государи»⁸¹.

Восстание началось 12 августа в Кристианштадте. Манифест восставших гласил: «Доблестные шведы! Начало положено. Помните о своих обязанностях по отношению к королю и стране, пусть каждый из вас проявит усердие. Присоединяйтесь к нам!»⁸². Но даже когда известия о мятеже дошли до столицы, депутаты сейма не обвинили Густава, считая его неспособным на такие действия⁸³. 18 августа Густав провел день и вечер на виду, побывал в опере, устроил большую карточную игру и лишь после ухода всех гостей удалился в кабинет, написал несколько писем, затем тайно покинул дворец и, миновав патрули, — город. Утром 19 августа король находился во главе отряда из 200 офицеров, которым объявил, что намерен отменить Конституцию 1720 г.⁸⁴ Силой личного обаяния и красноречия Густав привлек на свою сторону офицеров столичного гарнизона. Он захватил арсенал, окружил здание сената, где находились представители сословий. Сразу же были арестованы банкиры, тесно связанные с Россией и Англией и могущие финансировать контрпереворот⁸⁵.

⁸⁰ *Konopczyński W.* Op. cit. P. 336.

⁸¹ *Ibidem.*

⁸² Цит. по: *Bonneville de Marsangy.* Op. cit. P. 233—234.

⁸³ *Shéridan Ch.-F.* Op. cit. P. 286—288.

⁸⁴ *Bonneville de Marsangy.* Op. cit. P. 242.

⁸⁵ *Sheridan Ch.-F.* Op. cit. P. 130.

Переворот был бескровным, потому что симпатии сословий были на стороне короля⁸⁶, шведы устали от постоянной политической борьбы, от коррупции. К тому же восстановив абсолютную власть, Густав не начал гонений на противников и оставил Конституцию. Король превозносил героизм шведов: «Мои сограждане действиями доказали то, что я выражал в своих письмах; шведы вели себя совсем не так, как поляки, крайние трудности развили в них те качества, коими восхитились бы их отцы»⁸⁷. Во Франции известие о «революции» было встречено благоприятно. Большинство просветителей считали Густава монархом, способным править по-новому, руководствуясь идеалами Просвещения. Вольтер направил в Стокгольм пламенное послание, приветствуя короля храбрецов, спасителя свободного народа, который радостно примет власть просвещенного монарха⁸⁸.

Версаль счел «революцию» дипломатическим успехом. По мнению русского поверенного в делах в Париже, в сентябре 1772 г. во Франции думали, «что шведская революция совершенно утвердилась»⁸⁹. Но граф де Брольи постоянно напоминал Людовику о том, что Россия может предпринять попытку реванша и разыграть польский сценарий⁹⁰. Французский посол в Вене де Роган выражал недоумение в связи с событиями в Стокгольме, ибо они могли пагубно сказаться на европейском равновесии и грозили Франции войной: «Революция в Швеции создала в Европе кризис, последствий которого следует опасаться. Король Швеции действовал по чужим наущениям, очарованный идеей абсолютной власти, но не предвидя последствий. Я знаю, что двор Санкт-Петербурга старается постоянно заявлять сословиям Швеции свое мнение относительно революции. Во имя сохранения прежних договоров Россия решила употребить все силы, для того чтобы не дать укрепиться новшествам, возникшим лишь в результате сиюминутного энтузиазма»⁹¹. Роган предполагал, что Россия «возможно, удовлетворится чем-то средним между старой и новой формами правления, но если король Швеции заупрямится, война будет неизбежна», а «превосходство русских над турками так велико, что царица может покончить с ними, когда захочет». «В драку» вмешается и Фридрих II, желающий получить Померанию и дать Пруссии занять ведущее место в Северной Европе⁹².

⁸⁶ Roberts M. Op. cit. P. 400—402; Nordmann C. Op. cit. P. 336—337.

⁸⁷ Konopczyński W. Op. cit. P. 336 (письмо к графине де Буффлер).

⁸⁸ Лешюв Э. Указ. соч. С. 77.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 268. Л. 67—67 об.

⁹⁰ Broglie Ch.-F. Op. cit. T. 2. P. 408.

⁹¹ Цит. по: Laugier L. Op. cit. P. 430 (письмо от 26 августа 1772 г.).

⁹² Ibidem.

Для России шведская «революция» была несвоевременной, русско-турецкие переговоры о мире в Фокшанах как раз зашли в тупик, а переворот мог привести к военной диверсии на севере, выгодной Турции и Франции. В случае войны со Швецией русская армия должна была разорить Дунайские княжества, вывезти население в Россию и отойти за Дунай, удержав за собой только Крым⁹³. Официально Россия не выразила протеста в связи с переворотом, но в личной переписке Екатерина II не скрывала своего возмущения: «Никогда законы ни одной страны не нарушались так жестоко, как в Швеции. Я уверена, что этот король так же деспотичен, как и султан, мой сосед; ничто его не сдержит»⁹⁴. Фридрих II не хотел доминирования России на севере и лишь формально осудил племянника. Англия отказалась от активной политики в шведском вопросе, утратив интерес к Швеции как к важному звену в деле установления добрых взаимоотношений с Россией. Верженн писал, что попытку русского или прусского давления шведы воспримут как покушение на свободу нации, ее не одобряют даже депутаты сейма, получавшие русские деньги⁹⁵, но власть Густава еще слаба, и Франция должна поддержать его. Несмотря на секретные статьи в русско-прусском союзном договоре 1764 г. (обязательство сохранять неприкосновенность Конституции 1720 г.), ни у России, ни у Пруссии не было законного предлога для вмешательства во внутренние дела Швеции.

Д'Эгийон и Людовик XV все же опасались, что Россия может первой нанести удар. По сведениям французских дипломатов в Дании, Россия готовилась расчленить Швецию, как сделала это с Польшей⁹⁶ (упоминание о разделе было болезненно и унижительно для Франции, утратившей свои позиции в Польше). Хотя д'Эгийон уверял русского посла, что Франция «приветствовала бы» заключение русско-шведского союзного договора⁹⁷, Россия все же провела военные приготовления вблизи шведской границы. Это встревожило д'Эгийона, пытавшегося отвести от Франции любую угрозу возможного военного конфликта. Таково было и желание Людовика XV, помнившего кошмар Семилетней войны, когда Франция осталась без союзников. Пассивное миролюбие — вот «единственная линия, отвечающая желаниям и чувствам короля. Главная цель добродетельной и умеренной политики — сохранить мир на западе Европы»⁹⁸.

⁹³ Архив Государственного совета. Т. 1. С. 195.

⁹⁴ Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 268—269 (письмо Вольтеру).

⁹⁵ Geoffroy A. Op. cit. P. 184, 185.

⁹⁶ Ibid. P. 186—187.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 268. Л. 85.

⁹⁸ Из письма д'Эгийона (осень 1772 г.) (цит. по: Livet G. L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. P., 1976. P. 120).

Но и терять влияние в Швеции Франция не хотела. В начале 1773 г. тайно готовился франко-шведский оборонительный союз сроком на три года. Франция должна была оказать помощь Швеции, направив туда 12-тысячный пехотный корпус, 12 кораблей и фрегатов, а также предоставив артиллерийские орудия в случае нападения на Швецию третьей державы (прежде всего России). В аналогичном случае Швеция выставила бы корпус численностью 6 тыс. человек и эскадру из 6 кораблей⁹⁹. Договор так и не был ратифицирован Людовиком, не желавшим брать на себя какие-либо формальные обязательства. Да и Густаву трудно было добиться, чтобы риксдаг одобрил этот союз. Тем не менее слухи о переговорах беспокоили противников Франции. Англичане полагали, что Франция способствует затягиванию войны между Россией и Турцией, так как «хочет выиграть время, чтобы Швеция смогла привести свою армию и флот в такое состояние, в каком они смогут поддержать новое правление»¹⁰⁰.

Франко-шведское сотрудничество фактически исчерпало себя, оно не могло принести взаимных практических выгод. В июле 1773 г. Густав прощупывал почву на предмет продления истекшего оборонительного договора с Россией, но в Петербурге считали, что его миролюбивые заявления скрывают захватнические планы: «Его Величество король Шведский, как сам собою непосредственно, так и чрез канал онаго двора, неоднократно уже забегал к нам с предложением о новом союзном трактате, подобно как он ту же пропозицию не однажды же делал и датскому двору, дабы сим образом в одном или другом месте сюрпренировать безмолвное соглашение на революцию... Не взирая однакож... на все его толь громко повсюду расславленные миролюбивые намерения, есть много причин верить и думать, что он в самом деле намерен будет нарушить в соседстве своем мир и учинить первую свою попытку посягнуть на норвежския границы, в предубеждении, что там и датчане не готовы, и норвежцы будут рады случаю сбросить с себя датское иго», — писал Панин русскому поверенному в делах в Париже И.С. Барятинскому¹⁰¹.

Военная тревога продолжалась весь 1773 год. Англия и Россия боялись нарушения status quo в Балтийском море в результате шведской агрессии, Франция — необходимости вступить в войну из-за намерений Густава изменить существующий порядок вещей, тогда

⁹⁹ Nordmann C. Op. cit. P. 335.

¹⁰⁰ Цит. по: Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 186.

¹⁰¹ Сб. РИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 449.

как д'Эгийон пытался наладить отношения с Лондоном¹⁰². Но великие державы, желая умиротворения на севере, ограничились не самыми воинственными заявлениями в адрес друг друга.

Цель французской дипломатии в Швеции была достигнута: абсолютная монархия была восстановлена. Личные симпатии Густава и давние традиции франко-шведского сотрудничества во внешней политике позволяли Людовику XV и д'Эгийону надеяться на помощь союзника с севера Европы. В ситуации, когда союз с Испанией не приносил выгод, а союз с Австрией оставался номинальным, это было важно. Участие в шведской «революции» продолжало традицию союзов с небольшими государствами для сдерживания главного противника. Но в новых условиях д'Эгийон прибег к другим методам: он отказался от финансирования партий и опирался на монарха.

«Революция» 1772 г. в Швеции — это частный успех французской дипломатии, своего рода моральная компенсация за провал французской политики в Польше. События в Швеции в целом не повлияли на расстановку сил как в Северной, так и в Юго-Восточной Европе: Швеция имела слишком малый политический вес. Курс на status quo в Европе при доминировании Франции терял смысл. А так как Турция de facto потерпела поражение в войне с Россией и постепенно выбывала из зоны французского влияния, можно говорить о том, что для французской внешней политики победа в Швеции в новых международных условиях была бесполезной.

Поступила в редакцию
15.03.2007

¹⁰² Fraguier B. de. Le duc d'Aiguillon et l'Angleterre (juin 1771 — avril 1773) // Revue d'histoire diplomatique. 1912. N 26. P. 612—621.